

Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия*

Статья посвящена отношениям старообрядцев с мусульманскими соседями, жившими рядом на протяжении веков на юге России, который стал одним из самых ранних направлений бегства последователей «старой веры» из центра страны. Рассматриваются взгляды учёных на ислам и повседневную практику взаимодействия старообрядцев на Кавказе, в Турции и Узбекистане.

Особое внимание уделено рассмотрению процессов «культурной оседлости» и своеобразной интеграции, к «чужой» культуре при неизменном сохранении прежней культурной идентичности.

Ключевые слова: старообрядчество, ислам, традиция, этнолокальная конфессиональная группа, культурная идентичность.

Е. А. Ageeva

Old Believers in Muslim environment: intercommunication experience

The article is dedicated to relationship of Old Believers with their Muslim neighbors who have lived for centuries at the Russian South, where the followers of old faith migrated at first from the central part of the country. Scientific views on Islam and everyday practice of intercommunication of Old Believers at Caucas, Turkey, Uzbekistan are studied.

Special attention is given to examining the processes of “cultural sedentism” and integration to foreign culture while preserving cultural identity.

Keywords: Old Believers, Islam, tradition, ethno-local confessional group, cultural identity.

Исторические реалии второй половины XVII в. обусловили значительный интерес в литературе этого времени к турецкой, или шире – мусульманской, проблеме. А. Н. Попов связывал появление таких сочинений с традиционным для Руси взглядом на турок как на врагов христианства: «В людях книжных этот взгляд укреплялся и литературными памятниками о взятии Царьграда турками и разрушении православных славянских государств, разными предвещаниями, распространенными в наших сборниках и цветниках XVII в.» [13]. Одно из предсказаний о судьбе турок было известно и старообрядцам, почерпнуто и переписано ими в Сборнике, составленном в Выговском монастыре в 1720-х гг. [14]. Речь идет о выписке «Из книги «Лебедя», изданного типом Иоанникием Галядовским [4], архимандритом Черниговским Елецким в Новгороде Северном в лето 1679-е. От главы первая». Действительно, в 1679 г. в Новгород-Северской типографии вышло сочинение Иоанникия Галятовского, отчасти основанное на свидетельствах популярного сочинения «Путешествие или похождение в землю Святую князя Николая Радзивилла», «Лебедь с пятью перьями,

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00033 «Культурные особенности этнолокальных групп русских в исторической ретроспективе и на современном этапе»

или Христос с пятью Божьими дарами», состоящее из пяти глав («перьев») и отражающее круг вопросов, связанных с распространением ислама, его конфессиональной спецификой и военной организацией турок. Трактат был написан в форме диалога между Ястребом (аллегория ислама) и Лебедем (аллегория христианства). По мнению исследователей, «задача автора – изложить способы, с помощью которых христиане могут победить мусульман» [8]. По мнению автора, широкое распространение «Махометова закона» в разных странах связано с простотой и общедоступностью вероучения, разрешением многоженства, при этом Галятковский замечает, что смена вероисповедания часто связана с тяжелым жизненным испытанием, как, например, бегство к мусульманам спасающихся от казни преступников. Старообрядческий составитель выговского сборника обращает внимание только на приведенные автором сочинения свидетельства о несомненной гибели «махометан». О падении оттоманского господства, согласно Галятowski, «имуть о сем и сами турцы многовременное волшебство на погибель свою и ожидают збытия его на всяко время и час и по их языку писана». Наряду с изложением якобы турецким языком, автор приводит и «нашим языком сице»: «Царь наш придет поганого начальника царство возмет и червлёное яблоко примет в свою силу подбьет. Аще бы затем до седми лет меч христианский противу его не восстал. Тогда уже два на десять будет господствовать, дома созидати, винограды начаждати, ограды тверды ограждати, чада будет умножати, подвою надесеяте же лету, яко яблоко червлёное в державу его впадет изыдет христианский меч, и турка от всех стран обступивши, на главу поразит, и имя его погубит» [15].

На практике тесные связи с мусульманским миром поддерживали оказавшиеся перед угрозами утраты веры и физического истребления старообрядцы юга России, который стал одним из самых ранних направлений бегства последователей «старой веры» из центра страны. Берега Дона и его притоков заселялись старообрядцами уже в 70-х гг. XVII в. На р. Хопёр и соседней р. Медведице в многочисленных старообрядческих поселениях в 1676 г. начал свою проповедь против церковной реформы иеромонах дониконовского поставления Савелий, схваченный по приказу не желавшего ссориться с Москвой войскового атамана и сожженный. Поражение стрелецкого восстания в 1682 г. и антистарообрядческое законодательство царевны Софьи привели на Дон новые толпы беглецов, большинство из которых исповедовали старую веру. В 1678 г. на притоке Дона р. Цимле создал пустынь иером. Пафнутий в 1683 г. в устье Дона, недалеко от городка Каргалы, возникла пустынь иером. Феодосия. Около 1685 г. на Дон переселился друг и единомышленник Пафнутия и Феодосия, один из наиболее активных деятелей раннего старообрядчества игум. Досифей, после скитаний по разным старообрядческим общинам поселившийся в Чирской пустыни на Дону, основанной другим известным старообрядцем – иером. Иовом Льговским, принявшим монашеский постриг от архим. Троице-Сергиева монастыря прп. Дионисия (Зобниновского). Иов основал 4 пустыни (из них 2 – до реформы патриарха Никона). В своей последней обители на реке Чир он начал строить церковь, но освятить ее не успел, и это сделал уже Досифей, прослуживший в этом единственном в течение некоторого времени у старообрядцев храме почти 5 лет.

Около 1688 г. он переселился еще южнее, на р. Куму, во владения шамхала Тарковского. Подавление восстаний казаков-старообрядцев на Дону в конце 80-х гг. XVII в. привело к расширению масштабов бегства последователей «старой веры» на Северный Кавказ, на земли по рекам Кубани, Куме, Тереку. На Кавказ кроме Досифея ушли в 1688 г. Феодосий с Пафнутием, поселившиеся на землях князя Большой Кабарды Месеуста в урочище Можары. Миграция усилилась в начале XVIII в., особенно после разгрома в 1706–1708 гг. Астраханского и Булавинского восстаний. После гибели в 1708 г. Кондратия Булавина некрасовцы, основу которых составляли донские, прежде всего верховые казаки, получившие имя по атаману станицы Есауловской Игнатию Федоровичу Некрасову (1660–1737), вместе с семьями в составе 2-3 тысяч человек переправились во главе с ним через Дон и обосновались на правом берегу реки Кубани – в то время владения Крымского ханства, не имея при этом особых гарантий своей безопасности. Причинами отступления именно на Кубань, по всей вероятности, были как определенная расположенность крымского хана по отношению к казакам, так и существование там их более ранних поселений. Документы свидетельствуют о многогранности взаимоотношений донских казаков с турецко-татарским населением крымского ханства, в том числе вполне дружественные торговые контакты, упоминаемые, например, в войсковой отписке булавинцев кубанскому Сартлану-мурзе (май 1708 г.). А ещё ранее у крымского хана нашли приют переселившиеся в конце 1680-х – начале 1690-х гг. первые группы донских казаков-старообрядцев, получивших разрешение от него построить укрепленный городок в междуречье Кубани и Лабы. В дальнейшем они переселяются в крепость Копыл (совр. Славянск на Кубани), а к началу XVIII в. в «Хан-Тепеси (Ханский Холм), что на расстоянии четырех часов от крепости Темрюк» [17]. Первые кубанские казаки заложили прочные основы дружественного и даже заботливого отношения к ним династии Гиреев. Желание сотрудничества было взаимным: ханы надеялись на казаков как на отличных воинов, а казаки, потерявшие надежду на понимание у российского правительства, стремились стать верноподданными правителей Крыма, что позволяло им сохранить жизнь и веру. На первых этапах жизни под властью ханов жизнь казаков строилась строго по принципу сепарации, т. е. отрицания «чужой» культуры и сохранение собственных этноконфессиональных особенностей [18]. В конце 1708 г. после смещения хана Каплан-Гирея некрасовцы переселяются на левобережье Кубани, подальше от ханского влияния. Не обладая определённым статусом и опасаясь выдачи России, казаки не обустраивали постоянных мест проживания вплоть до заключения Прутского мирного договора от 12 июля 1711 г., когда они были признаны подданными крымского хана. Примерно в 1712 г. они вернулись на правобережье Кубани [16]. В этом же году они обратились с просьбой посвятить им епископа к Иерусалимскому патриарху Хрисанфу и получили согласие. Помешала этому непреклонная позиция Санкт-Петербурга. В 1753 г. с аналогичной просьбой они обратились в Стамбул, и по приказу султана крымский православный архиепископ Гедеон рукоположил в епископы монаха Феодосия. Так появился епископ Кубанский и Терский, но вскоре, не поладив с некрасовцами, он переселился в Добруджу. Некрасовцы в том же году прибыли к Анфиму из Хотинской Раи,

выдававшему себя за епископа, поставленному Браиловским митр. Даниилом, с просьбой приехать и служить у них. К этой просьбе было присоединено и приглашение от крымского хана. Прибыв на Кубань, Анфим устроил монастырь, поставил архимандрита, рукоположил много священников и двух епископов, имена которых остались неизвестны. Взаимопонимание продолжалось недолго. Привыкший властвовать, Анфим стал вмешиваться в жизнь некрасовцев, за что в 1754 г. был изгнан, но продолжал именоваться «епископом Кубанским и Хотинския Раи». По устным свидетельствам, можно предположить, что поставленные Анфимом архиереи посвятили других и таким образом «иерархия, происшедшая от Анфима, не прекращалась» [10]. Отсутствие сведений о церквах и монастырях на Кубани в это время свидетельствует о том, что они размещались в удаленных и укромных местах. У некрасовцев на оз. Майнос (Турция) сохранялся антиминос Церкви св. Троицы, освященной в 1753 г. Анфимом, епископом Кубанским и Гомельским [11]. Кубань можно рассматривать как один из древнейших центров староверия, пополнявшийся казаками с Дона, Яика и Нижней Волги. Принципиальное значение в самоидентификации и консолидации некрасовцев имели «Заветы Некрасова» [3]: с турками не соединяться, с иноверными не сообщаться. Общение с турками разрешалось только по необходимости в связи с торговлей, военными действиями, налогообложением. Ссоры с ними запрещались. Высшей властью являлся казачий круг, в котором участвовали с 18 лет. Если не ходили – брали штраф два раза, на третий – секли. Решения круга исполнял атаман, которому строго подчинялись и избирали на год. В случае провинности атаман смещался раньше срока. Атаманство длилось только три срока – власть портит человека. Молодые должны были почитать старших. Весь заработок сдавался в войсковую казну. Из неё каждый получал 2/3 заработанных денег. 1/3 шла в кош и делилась на три части: на войско и вооружение, на школу и церковь, и нуждающимся. Брак мог быть заключён только между членами общины. Брак с иноверцами карался смертью. Муж жену не должен был обижать. Женщина – мать. Если муж обидел жену, круг его наказывал. Наживать добро надо было только трудом, казак не мог нанимать казака и денег из рук брата не получать. За разбой, грабёж, убийство, по решению круга – смерть. Запрещалось держать в станице шинки и кабаки. Торговлей в станице заниматься запрещалось. Те, кто торговал на стороне, 1/20 прибыли отдавали в кош. В солдаты казакам дороги не было. Надо было быть грамотным, сохранять русское слово. Все казаки держали истинно-православную старую веру. За измену войску, богохульство – смерть. На войне в русских стрелять запрещалось. Требовалось всегда стоять за малых людей. Кто не исполнял Заветов, обречен был на гибель. За нарушением атаманом Заветов Игната – наказание и отстранение от атаманства. Заветы были записаны самим Игнатом Некрасовым, но список, хранившийся, по рассказам, в драгоценном ларце, не сохранился, а заповеди – более 170 – передавались устно.

С течением времени после ряда переселений, с утратой воинского уклада с середины XIX в., обретя долгожданную «культурную оседлость» близ озера Майнос, некрасовцы перешли к своеобразной интеграции, то есть приближению к «чужой» культуре при неизменном сохранении прежней культурной идентич-

ности. Так, в общину стали принимать пришлых людей, иногда не русских. Избегая родственных браков, отступили от Заветов Игната Некрасова, допускавших брак только между членами общины.

В конце XIX в. в округе появились переселенцы – татары, лезгины, черкесы, с которыми возникали разногласия, но не по национальному вопросу, а в связи с административными решениями. С турками споров не было, как предписывалось Заветами, да и по всем рассказам турки ценили некрасовцев не только за военные доблести, но и за необыкновенное трудолюбие. Соседи жили между собой дружно, вместе могли заниматься сельскохозяйственными работами. Некрасовцы рассказывали: «Турки устанут, упадут, а мы все работаем и работаем» [12]. Всем делились: турки гостеприимны, от ворот не отпустят, пока не накормят. И те, и другие отличались честностью: «Наши у турок никогда не брали, то есть не воровали. И они не брали. Могли украсть, а не крали». Эту безупречную честность отмечали и путешественники, побывавшие у некрасовцев в 19-м столетии. «На Троицу турки устраивали казакам курбан, приносили барашка, а казачки готовили. Они турки вообще боговерующие, а мы к ним не ходили, не носили ничего». Казаки вспоминали, что когда во время праздников ходили с иконами к озеру, то наряду со своим знаменем Игната Некрасова несли турецкие байраки. Перенимались некоторые элементы бытовой культуры, например, ткацкий станок, отделка и цветовая гамма костюмов, классических по крою. Казачки стали повязывать платки на голове бантиком сверху, как у коначек (конак-друг). Сохраняя во многом натуральное хозяйство, многие товары покупали и в магазинах, часто разъезжая далеко по округе. Старожилы Бандырмы (древний город Панормос, основанный в VIII в. до н. э.), близ которого и обитали некрасовцы, до сих пор помнят, как заключали с казаками договоры на лов рыбы – они были искусными рыбаками [9]. А некрасовцы, уже переселившись в Россию, то есть, «придя до своего языка», как они говорили, вспоминали ароматы турецких пряностей и те, кто приехал в Россию детьми, вздыхали: «Были бы мы птицами – слетали бы в Турцию, на родину».

В то же время у казаков-старообрядцев, оставшихся в России на Кавказе, постоянно возникали трения с правительством по главному вопросу – возможности исповедовать старую веру. Петр I, понимая важность службы казаков, приказал не тревожить старых верований гребенцев, так как служат они государю верно и без измены, «удерживаются» в мусульманском мире, не нарушают государственного порядка. Ситуация изменилась в 1735 г. с возведением Кизляра, где была учреждена особая должность «закашика» – доверенного лица астраханского епископа, который наблюдал за церковной жизнью на территории определенного района (заказа). Им стал поп Федор Иванов, который вместе с сыном попом Афанасием принялись искоренять старообрядчество. Гребенское войско не раз обращалось к астраханскому епископу Иллариону (1731–1755), шедшему навстречу просьбам казаков, но настаивавшему на соблюдении ими троеперстия. Казаки же твердо держали двуперстие и отвечали, что сохраняют обряды, доставшиеся от отцов и дедов, ничего «не убавливаем и не прибавливаем». Церковное давление вызвало побеги казаков на Кубань, Куму, так как «здесь житье несносно: принуждают к кресту».

Определённые уступки властей в середине XVIII в. предотвратили волнения и новые побеги. Епископ Илларион считал возможным вернуться к прежнему своему мнению (с которым Св. Синод не был согласен) и повелел священникам гребенских городков в троеперстии принуждения не чинить, «взятков» с казаков не брать, нападкам не подвергать, «понеже у них, кроме креста иного расколу никакого нет». Число сторонников «старой веры» ширилось, а в Синод шли доношения, что едва ли не все гребенские казаки впали в раскол и в церковь не ходят. Епископ Иеремия, в 1843 г. побывавший на Тереке, сообщал в Синод, что в Гребенском войске практически не осталось православных церквей, а Кизлярский и Моздокский полки находятся на пути в старообрядчество. Но наместник Кавказа, командующий Кавказским корпусом граф М. С. Воронцов полагал, что борьба за старую веру отнимала у казаков много сил и времени и мешала им исправно нести военную службу, участвовать в Кавказской войне. Это мнение разделял и император [5]. В условиях военных действий на Кавказе раздражать и притеснять линейных казаков, боевые заслуги которых были неоспоримы, никто не желал. Это было и рискованно, поскольку казаки не раз переходили к Шамилю. На арабской карте Чечни конца 40-х гг. XIX в., на левом берегу р. Хулхулау был показан ряд домов с припиской: «Это кельи русских, твердых в своей вере». Известно также, что в 1851 г. «около 20 казаков, с женами и детьми и двумя священниками, пришли в Дарги-Ведено и просили у Шамиля земли, чтобы поселиться. Он указал им место, где б они могли построить дома и церковь» [6].

Известным центром старообрядчества на Кубани была станица Кавказская, образованная казаками в конце XVIII в. [7]. Близ неё был устроен тайный скит в пещерах, особенно пополнившийся после войны 1812 г. Горцы не только не разоряли его, но всячески поддерживали старцев, снабжали пищей, приносили мёд и воск [2]. В 1987 г., когда отряд археографической экспедиции МГУ обследовал северокавказские поселения старообрядцев, исследователи решили, что именно в этих местах выработана близкая к идеалу модель межрелигиозных взаимоотношений: сохранять своё, не причиняя вреда чужому. Или, как говорили некрассовцы, «у нас свой Бог, у них – свой». Ворвавшаяся в дальнейшем политика почти уничтожила этот уклад.

Не менее плодотворным и важным для понимания адаптационных способностей старообрядцев представляется опыт жизни уральских казаков-уходцев в Каракалпакии, в низовьях Аму-Дарьи [1]. Сложившаяся в этих местах группа отличалась особой сплоченностью и замкнутостью, что привело к выработке сложной системы ограничений и запретов, в первую очередь, от растворения в иноязычном и инокультурном окружении и для сохранения чистоты веры. Тем не менее и в Узбекистане казаки освоили новые земли, успешно занимались рыболовством, обучая этому местных жителей. Как показали исследования 2014 г., в этих местах праздник Пасхи весьма близок и для мусульман, которых связывает с казаками тесные и плодотворные контакты, изучение которых представляется делом будущего.

Литература

1. Агеева Е. А. Данилко Е. С. Старообрядцы-уральцы Каракалпакии как локальная этноконфессиональная группа. Истоки // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы XI Междунар. науч. конф. – М., 2014. Т. 1. – С. 133-146.
2. Агеева Е. А. Иов (Зрянин Иван Андреевич) // Православная энциклопедия. Т. XXV. – М., 2010. – С. 306.
3. Агеева Е. А., Денисов Н. Г. Новые факты истории // Музыкальная академия. – 2002. – № 3. – С. 53-57.
4. Архимандрит Иоанникий (фамилия в миру Гаятовский или Голятовский ок. 1620, Волянь – 2 (12) января 1688, Чернигов) – православный церковный и общественно-политический деятель Речи Посполитой XVII века. Писатель, представитель русской схоластической проповеди, автор сборников проповедей и рассказов «Ключ разума...» (1659 и 1660, Киев; 1663 и 1665, Львов), «Наука albo способ зложена казаня» (1659). «Небо нове» (1665, 1677, 1699), «Скарбница потребная» (1676) и прочих.
5. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир, 2001 г. Электронный ресурс. Код доступа: <http://donclass.com/arhiv/histdisk/cossackdom/cossackdom/book/bookkazak.html>
6. Генко А. Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Институт востоковедения АН СССР, Записки. Т. 2(1). – М.; Л., 1933. – С. 28-29.
7. Латонов А. Станица Кавказская Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Т. IV. 1898. – Екатеринодар, 1897. – С. 1-28 12-го счета.
8. Левченко-Комисаренко Т. Л., Пидгайко В. Г. Иоанникий (Гаятовский), архим. // Православная энциклопедия. Т. XXV. – М., 2010. – С. 96.
9. Медведева В. Н. Казаки-некрасовцы: на перекрестке культур // Музыкальная академия. – 2002. – № 3. – С. 45-50.
10. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1976. С. 310-314.
11. Павел, архимандрит. Краткое путешествие во св. град Иерусалим и прочие св. места. – М., 1884. – С. 102.
12. Полевой дневник Е. А. Агеевой 1987 г. Станица Новокумская.
13. Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. – М., 1869. – С. 227-228.
14. Сборник находится в частной коллекции. Сочинение «Лебедь», действительно, пользовалось популярностью. Известны, например, списки, выполненные вскоре после издания, см.: РГБ. Ф. 299 №391. Иоанникия Голятовского. Лебедь с перием своим... [рукопись]: перевод с польского: [с изд. 1679 г. в Новгород-Северском] [Б.м.] , 1683 – 167+ 3 чистых лл.; 4° (16,0 x 10,0) см – Перед текстом "Лебеда" – "О турках, откуда произведоша и о проклятом лежеучителе их Магомете, откуда сей лстец и како поживе...". (Нач.: "Турция или Трация глаголется...") и "О воинстве и пошествии войною турецкаго царя и о злобе его ко христианскому роду..." (л. 20 – "От повествования Александра Гвагнаина. Преведесе лета 7190 месяца марта".
15. Сборник старообрядческий, рукопись 1720-х гг., 8. Л. 498.
16. Сень Д. В. Казаки-некрасовцы на Кубани в начале XVIII в.: начало эмиграции // Клио: журнал для ученых. – СПб., 1999. №2(8). – С. 198.
17. Сень Д. В. Казаки-старообрядцы на Северном Кавказе: от первых ватаг к ханскому казачьему войску // Липоване. Вып. II. Одесса, 2005. – С. 11-13.
18. Сень Д. В. Отношения булавинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками. XVII-XVIII вв. / Электронный ресурс. Код доступа: Донская Зимовая станица.